

Марина Курноскина

Личное дело Савушкина

Меня зовут Вова Савушкин. Мой пятый день рождения прошёл давным-давно, а шестой — уже близко, поэтому на вопрос о возрасте я отвечаю так: скоро будет шесть. Ведь шесть — это вам не пять, это совершенно другое дело.

До вчерашнего дня я был дошкольником. Дорога в мой детский сад идёт мимо школы, где учатся все ребята из нашего двора. Когда на школьных воротах появилось объявление о приёме в первый класс, я понял, что больше не хочу играть в кубики и настольный хоккей, а после обеда спать на деревянной кровати под голубым одеялом. Хватит, подумал я, пора заняться своим образованием. Я умел писать и читать, знал наизусть кое-какие стихи, а главное — привык всегда добиваться своего. Уж если я что задумал — будьте спокойны, ни за что не отступлю, если сам не пойму, что дело того не стоит. В общем, я твёрдо решил поступить в школу.

В понедельник я подошёл к воспитательнице и заявил, что ухожу из сада. Она удивилась. — Вова, — сказала она, — это твоё личное дело, но имей в виду: в школу принимают детей, которым исполнилось семь лет, а тебе нет ещё и шести. В этом году тебя наверняка не возьмут.

Что ж, посмотрим, подумал я. Вечером я сообщил маме о принятом решении и попросил выдать мне на завтра длинные брюки и светлую рубашку. Не иди же на переговоры в шортах и футболке, которые я надеваю в сад! Я надеялся, что строгая одежда поможет мне выглядеть старше. Возраст — вот что было единственным слабым местом в моём плане, насчёт всего остального я был спокоен.

— Хорошо, — сказала мама и поцеловала меня в макушку. — Попробуй, раз тебе хочется. Если не выйдет, мы с папой в пятницу сможем отпроситься с работы, тогда все вместе сходим.

Отец тоже не возражал.

— Раз принял решение — действуй, пробивай, — напутствовал он меня. — Понадобится помощь — сигнал, будем искать пути для манёвра.

Мой папа военный, он всегда так выражается. Бабушку мы решили к этому делу пока не привлекать. Неизвестно, как оно там обернётся, а она вечно переживает из-за всяких пустяков.

Утром я позавтракал и пошёл. Жёлтое здание школы находится совсем рядом с нашей

девятиэтажкой. Я перебрался через дорогу, обогнул кафе и вошёл через арку в школьный двор. На входной двери висел белый лист бумаги. Я остановился и прочитал: «Внимание родителей! Для подачи заявления о зачислении детей в первый класс обращаться в учительскую». Я заглянул внутрь. Вдоль стен просторного вестибюля лежали мешки со стройматериалами и коробки с керамической плиткой. Пахло сырой штукатуркой. Рабочий в комбинезоне красил валиком стену. — Куда? — строго спросил меня пожилой охранник.

Он сидел на табурете возле входа и читал газету. — Мне в учительскую, — сказал я вежливо. — Насчёт поступления.

— Не положено, — ответил он. — Приходи с родителями или с кем-нибудь из взрослых.

Я не стал его уговаривать и вышел на крыльцо. По опыту знаю: есть взрослые, которых можно попытаться убедить, а есть такие, с кем говорить бесполезно. Этот попался упрямый, с таким спорить — только время зря терять.

Стою на крыльце, размышляю, как бы мне попасть в здание, не дожидаясь пятницы. Смотрю — по школьному двору идёт Ваня Локтев со своей мамой, Ольгой Петровной. Тут я вспомнил, как он недавно хвастался, что в этом году идёт в школу. — Здравствуйте, — говорю, — Ольга Петровна. Вы насчёт заявления? Давайте пойдём вместе.

Нужный нам кабинет оказался на первом этаже слева от входа. На двери было написано: «Учительская». Проходя мимо охранника, я на всякий случай взял Ванину маму за руку. Она улыбнулась. Охранник внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Ваня Локтев — мой лучший друг. Когда мы в прошлом году переехали жить в этот дом, мама повела меня во двор знакомиться с ребятами. Двор у нас большой, зелёный, возле подъездов растёт сирень, а берёзы вымахали такие, что достают верхушками до третьего этажа. Лавочки на детской площадке стоят среди высоченных голубых елей, и везде, куда ни глянь, цветы. Моя бабушка называет наш двор Берендеевым царством. От такого количества растений здесь всегда прохладно и пахнет грибами, как в лесу.

— Вот, мальчики, — весело сказала мама и указала на меня, — познакомьтесь с вашим новым соседом.

Ребята бросили мяч и стали меня разглядывать. Потом один из них подошёл и неожиданно ударил меня по плечу, да так сильно, что я чуть не упал. Бабушки, которые сидели на лавочках, стали шуметь и охать.

— Ты что делаешь? — закричала одна и схватила мальчика за руку. — Разве так можно?

Моя мама растерялась и всё спрашивала, очень ли мне больно. А мы с мальчиком стояли и разглядывали друг друга. Он был невысокого роста, коренастый, крепкий, подстриженный под машинку, как и я. Руки его были сжаты в кулаки, а глаза смотрели спокойно, с любопытством. Я почему-то нисколько на него не обиделся. Я понимал, что он ударил меня не со зла, а наоборот, потому что я ему понравился. Это было вроде испытания. Взрослому трудно объяснить, но все мальчики из моей группы в саду, которым я рассказывал про этот случай, согласились, что такое бывает. Так мы познакомились с Ваней Локтевым.

Ольга Петровна — единственный человек, которого Ваня слушается. Она разрешает ему гулять во дворе одному, хотя прекрасно знает, какой Ванька драчун. Хлопоча дома по хозяйству, она открывает настежь окно кухни и следит за тем, чтобы обстановка во дворе не слишком накалялась. Когда внизу нарастает шум, она выглядывает из окна и строго кричит на всю улицу:
— Ва-а-ня-я-я-я!!!

Бабушки на лавочке не одобряют Ваню, говорят, что у него всегда кулаки наготове. Но моя мама считает, что он хороший и справедливый. Она говорит, что его привычка драться с возрастом пройдёт, и Ольга Петровна права, что не водит его с собой за ручку.

После каждой жалобы соседей Ванина мама очень огорчается. Она пытается объяснить сыну, что, кроме кулаков, есть ещё и другие способы решения спора: переговоры, взаимные уступки и даже хитрость. Но Ваня с ней не согласен. Вот вам пример. В субботу мы с ним пошли в магазин за мороженым и видим: Стасик Мясо-едов из первого подъезда носится по тротуару за нашей дворовой кошкой Сонькой, которая по каким-то своим делам вышла со двора на улицу. Он её пугает, топает ногами и гонит на проезжую часть под машины, а она уши прижала и мечется туда-сюда, не знает, куда от него бежать. Сонька живёт в подвале нашей котельной, у неё трое маленьких котят. Многие жильцы её подкармливают, оставляют сухой корм или сосиску возле подвального окна, но она всё равно очень худая и вечно голодная. В общем, мы с Ваней не стали тратить время на переговоры, а сразу налетели на Стасика. Ваня бежал за ним до самого перекрёстка и пару раз хорошенько ему поддал, а я взял Соньку на руки и отнёс во двор, она дрожала и громко мяукала.

Бабушка Стасика ходила жаловаться на нас в домовую контору, но мы рассказали председателю, как было дело, и он не стал нас ругать.

— Надо лучше воспитывать внука, — строго сказал он бабушке Стасика, — уже большой мальчик, а на уме одни глупости.

Вечером мама Вани пригласила нас в гости. Пока мы играли у него в комнате, взрослые пили на кухне чай. Я вышел в коридор и услышал, как Ольга Петровна говорит моим родителям:

— Вот что с ними делать? Отругаешь за драку с негодяем — вырастут равнодушными людьми, станешь за это хвалить — будут, чего доброго, бандитами.

— Не будут, — сказал отец, — я в это не верю. Нормальные мальчишки растут.

Ну вот, про Ваню я рассказал, теперь можно продолжать про школу. Заглянули мы в учительскую, Ванина мама говорит:

— Здравствуйте, мы пришли подать заявление в первый класс.

— Очень хорошо, — повернулась к нам пожилая дама в очках. — Какой у вас адрес?

— Улица Радищева, дом пятнадцать, — хором ответили мы.

Она кивнула.

— Берите, — говорит, — бумагу и пишите заявление по образцу.

Я заметил, что эту даму все остальные слушались и говорили с ней очень уважительно. Наверное, она была директором.

Мы стали писать, Ольга Петровна за Ваню, я — за себя. У неё буквы получались ровные и красивые, у меня — кривые и корявые, то наверх вылезут, то набок завалются, но я старался, как мог. Там, где в образце было сказано: «Прошу принять моего сына (дочь)», — я написал: «Прошу принять меня», — а в остальном — всё как положено. Я посмотрел, какое число поставила внизу Ванина мама, и расписался, нарисовал внизу заглавную букву «С» и обвёл её кружочком. Это моя подпись, я её придумал, когда заполнял карточку в библиотеке.

— Очень хорошо, — опять сказала дама в очках, прочитав заявление Ольги Петровны.

Потом взяла мой листок и пробежала его глазами. Сняв очки, она удивлённо посмотрела на Ванину маму.

— Позвольте узнать, — сказала она, — кем вам приходится этот мальчик?

— Этот мальчик — наш сосед по дому, — ответила Ванина мама. — Он человек серьёзный и самостоятельный, очень хочет учиться.

Ваня с мамой попрощались и ушли, а я остался. Проходя мимо моего стула, Ольга Петровна ласково потрепала меня по плечу, а Ваня двинул кулаком в бок. Он всегда так прощается.

Тут директор повернулась ко мне.

— Скажи, пожалуйста, твои родители знают, что ты в этом году решил пойти в первый класс? — спросила она.

— Конечно, — ответил я — Мне разрешили самому обо всём договориться. Мама с папой в пятницу придут к вам с документами.

Тут у директора зазвонил телефон. Пока она отвечала, мужчина, который сидел за компьютером, перестал стучать по клавишам и внимательно посмотрел на меня.

— Сколько тебе лет? — спросил он меня.

— В конце августа будет шесть, — ответил я, и сердце у меня замерло.

— Рановато тебе в школу, — заметил он. — Приходи к нам через год. В шесть лет никого не принимают в первый класс. Крайний случай — шесть с половиной. Это, брат, закон, ничего не поделаешь.

Я быстро подсчитал на пальцах и говорю:

— Шесть с половиной мне будет уже в феврале, а это совсем скоро. Как говорит моя бабушка, оглянуться не успеешь. Зачем же мне из-за такой ерунды целый год терять? Давайте посмотрим: вдруг в законе ещё какие крайние случаи есть, под которые меня можно подогнать?

Все засмеялись. Тут девушка в кроссовках, которая стояла со стопкой бумаги возле копировального аппарата, говорит:

— Нет ли там оговорки насчёт одарённых детей, вы не помните, коллеги? Может, это наш случай? Как ты сам считаешь, мальчик, ты одарённый? Очень интересно услышать твоё мнение.

Я подумал.

— Не знаю, — говорю, — одарённый я или нет. Но то, что вы документы неправильно копируете, это я хорошо вижу.

Я подошёл поближе.

— Документы надо класть буквами вниз, чтобы аппарат их видел. А вы буквами вверх кладёте, вот он вам и выдаёт то, что видит, — белую бумагу.

Я встал на цыпочки, перевернул листок, закрыл крышку и нажал на кнопку «СТАРТ». Снизу вылезла нормальная копия. Девушка покраснела. — Я, — говорит, — учитель физкультуры, в технике не очень разбираюсь.

Я кивнул. Техника — это не шутки, тут не каждый справится. Взять, к примеру, меня. Каждый вечер, кроме выходных, мы с мамой после моего сада идём к ней в офис. Днём она работает с заказчиками, а вечером занимается документами. Я ей помогаю: печатаю договоры и сканирую платёжки. Я в этом деле опытный.

Мужчина за компьютером усмехнулся.

— Этот парень, может, и не одарённый, но уж точно не дурак, соображает, — сказал он и подмигнул мне. — Лично я считаю, надо его принять.

Тут в комнату вошла высокая полная женщина в зелёном платье. Её тёмные волосы были уложены в красивую причёску, как у артистки. Все оживились.

— Вот, Татьяна Сергеевна, неординарный случай, — сказала дама в очках. — Мальчику в конце августа исполняется шесть лет, и он просит принять его в первый класс. Вы психолог, за вами решающее слово.

— Где же он, ваш вундеркинд? — спросила Татьяна Сергеевна низким голосом и оглянулась.

— Вот он, — ответили все хором и подтолкнули меня к ней.

Она посмотрела сверху вниз и кивнула:

— Ну, садись, будем беседовать.

Она положила на стол папку, на которой большими печатными буквами было написано: «Детская оздоровительная площадка средней школы №201. План работы», — и взялась за меня. Целый час она меня расспрашивала о нашей семье, о том, почему я больше не хочу ходить в детский сад, кем собираюсь стать, чем увлекаюсь и что вообще думаю о разных вещах. Бабушка говорит, что от некоторых моих высказываний её бросает в дрожь, поэтому я отвечал осторожно, чтобы не испортить дело. Под конец нашей беседы я порядком устал, да и она утомилась. Остальные учителя с интересом прислушивались к разговору. Мне велели нарисовать человека, идущего по улице, отгадать несколько лёгких загадок и рассказать стихотворение. Так я и знал, что будут стихи спрашивать, подумал я, хорошо, что вчера вечером повторил. Я встал, откашлялся и громко начал:

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Это мой любимый отрывок, я его читал на празднике, посвящённом поэту Лермонтову.

Только на один вопрос я не смог ответить: что такое шлагбаум. Вроде что-то знакомое, вертится в голове, а вспомнить не могу.

— Ну что ж, молодец, — сказала психолог. Она взяла папку и стала обмахиваться ей. — Информативный уровень высокий, речь хорошо поставлена, с моей стороны возражений нет.

Она написала заключение на бумаге и отдала даме в очках. Мне было приятно услышать, что моя речь хорошо поставлена. Я ведь не так давно научился говорить. Вот как это было.

До трёх лет я не ходил в детский сад. Мама рано утром отводила меня к няне, а после работы приходила за мной. Няня жила в старом деревянном доме, вокруг которого стояли новенькие многоэтажки. Мы все удивлялись, как это его не снесли, когда строили такие огромные дома. Мне нравилось у няни. У неё был маленький сын Тёма, она возила нас гулять в парк, играла с нами,

читала сказки. Когда няня на нас не смотрела, мы по очереди брали из миски их кот Васьки вкусные хрустящие шарики. Кот сидел рядом и смотрел, как мы ели.

Как только я немного подрос, все стали беспокоиться насчёт моей речи, я тогда плохо говорил. То есть я говорил охотно и много, но неразборчиво. Начиная медленно, потом незаметно разогнался и тараторил до тех пор, пока не замечал, что мой собеседник смотрит на меня удивлённо и немного испуганно.

Одна мама понимала, что я хотел сказать. Когда я пытался с кем-нибудь поговорить, меня выслушивали, а потом смотрели на маму, ждали, когда она переведёт. Это было неудобно, ведь мама не всегда бывала рядом.

— Опять нёс свою тарабарщину, — жаловалась ей бабушка. — Удивляюсь, как ты не примешь меры, ведь ребёнка могут не взять в школу.

Мама долго не хотела вести меня к логопеду. У нас в семье все отлично говорят, она надеялась, что и моя речь со временем выправится. Мы ждали, ждали, но речь не выправлялась, и меня решили отдать в логопедический сад. Попасть туда оказалось непросто — в городе было много детей, которые плохо говорили. Нас направили на медицинскую комиссию.

— Перед поступлением придётся пройти полный медосмотр, — сказала нам участковый врач, — посмотрим, какое заключение сделают логопед и психолог.

Мама отпросилась с работы, и мы отправились на осмотр. В поликлинике было очень жарко, по коридорам ходили врачи и бегали дети, малыши плакали, а взрослые всё время спорили из-за очереди в кабинет. Мы провели там так много времени, что я совершенно выбился из сил. Радовало только одно: каждый доктор, выписывая справку, говорил, что я здоров, как космонавт. Наконец мама сказала:

— Остался последний врач, психиатр. У него интересно, он будет с тобой играть и задавать разные вопросы.

И правда, доктор попался общительный. Я охотно сосчитал ему до десяти и обратно. Не знаю, понял ли он меня, но считал я энергично, поэтому он кивнул и сказал:

— Хорошо, вижу, что знаешь.

Тут он достал из стола ящик, на крышке которого были вырезаны разные отверстия — круглые, треугольные, в виде звёздочки и другие. Он высыпал из мешка на стол деревянные фигурки и говорит:

— Объясню правила игры. Возьми вот эти фигурки и брось их в ящик, но так, чтобы каждая прошла в своё отверстие.

Я попробовал затолкать кубик в прорезь для звёздочки, вижу — не идёт. Ага, думаю, значит,

сюда звёздочка должна пролезть. И правда, легко поместилась. Так же и остальные, там для каждой фигурки своя собственная дыра проделана. Очень хорошая игра, я быстро справился с заданием. Потом игрушки из ящика высыпал обратно на стол и крышку аккуратно закрыл, как было вначале. Доктор кивнул мне и стал выписывать справку, а я деревянные фигурки со стола тихонько переложил в мамину сумку и сижу, ногами болтаю. Думаю, ящик можно будет из картонной коробки для обуви сделать, нужные отверстия вырезать ножницами, а фигурки где возьмёшь? Тут мама сумку взяла и увидела их. Врач тоже увидел. Засмеялся и говорит:

— Ловко!

Мама тогда рассердилась на меня:

— Разве можно чужое брать?

Пришлось всё выкладывать обратно. Я потом долго вспоминал эту игру, мама обещала купить мне такую же, мы её искали в разных магазинах, но так и не нашли.

В общем, я успешно поступил в логопедический сад. Там все ребята говорили так же плохо, как и я, поэтому никто ничему не удивлялся. Каждый день к нам в сад приходила молодая женщина, наш доктор-логопед. Она была очень добрая. Некоторые ребята на занятиях шумели и отвлекались, но я слушал внимательно, мне очень хотелось научиться хорошо говорить. Когда за мной приходила мама, логопед меня хвалила:

— Ваш Вова так старается, ставит свой стул прямо напротив меня, а иногда встаёт с места и заглядывает мне в рот, чтобы понять, как надо правильно прижимать язычок, чтобы получилась буква «р».

Эти занятия помогли, я перестал картавить и глотать буквы и начал говорить правильно и понятно. Я любил свой сад, но идти в школу вместе с Ваней — это было совсем другое дело, я в последнее время ни о чём другом и думать не мог. Мама тоже считала, что сад выполнил свою задачу, поэтому не стала меня отговаривать.

Ну вот, про логопеда рассказал, теперь продолжаю про школу.

Пока психолог писала своё заключение, мужчина за компьютером вдруг заметил:

— Странно, что у нас сегодня телефон молчит. Идёт приём на летнюю площадку и в первый класс, обычно с утра звонят, а тут — тишина.

— Может, ведут работы на линии? — говорит учительница физкультуры. — Я сейчас позвоню с мобильного на станцию, узнаю, когда нас подключат.

Я заглянул под стол, вижу — провод с разъёмом выдернут из розетки и валяется на полу. Я сполз со стула и полез его на место ставить. По пути пришлось чью-то ногу плечом отодвинуть, чтобы до стены дотянуться. Я уже давно заметил, что они всё время ноги под столом туда-сюда переставляют, то под стул их закинут, то, наоборот, вперёд вытянут.

Шуршат башмаками—шур-шур, вот и выдернули провод. В общем, вставил я разъём в розетку, в трубке появился гудок, да такой громкий, даже мне под столом было слышно.

Я вылез, отряхнул брюки и спрашиваю:

— Ну так что же, могу я сказать дома, что вы меня принимаете в первый класс?

— Можешь,—сказала директор.— Учись, Савушкин, я в тебя верю.

Она вынула из стола новую папку с заголовком «Личное дело», написала внизу: «Савушкин Владимир Алексеевич»,— и положила внутрь моё заявление вместе с заключением психолога.

Я попрощался и вышел из кабинета. Охранник отложил свою газету и посмотрел на меня поверх очков.

— Что-то долго тебя принимали. Взяли или велели через год приходить?

— Взяли,—ответил я и спросил:— Вы, случайно, не знаете, что такое шлагбаум?

— Как же,—он пожал плечами,—это такая полосатая палка, которая перекрывает ход машинам.

Я хлопнул себя по лбу: ну конечно, как я мог забыть?! Такая палка висит перед пожарной частью рядом с парком, я её сто раз видел.

Ну вот, этот вопрос я решил, думал я по дороге домой. Взрослые, оказывается, совсем не такие сердитые и вредные, какими иногда кажутся. Надо только правильно к ним подойти, проявить терпение.

Я остановился у светофора и стал ждать, пока загорится зелёный свет. Через дорогу, через распахнутые ворота нашего двора я увидел, как Стасик Мясоедов возле песочницы строит шалаш из веток, а Ваня стоит рядом и смеётся. Конечно, смешно: кто же так делает? Надо ветки крест-накрест вязать, сверху класть опорную перекладину, а уже на неё укладывать боковые, а он просто приложил их концами друг к другу и думает, что они держаться будут. Светофор переключился, и я помчался по белым полоскам перехода мимо замерших машин в прохладную тень двора, в зелёное царство моего последнего дошкольного лета.